

ПРОБЛЕМА СЕГМЕНТАЦИИ УСТНОГО ДИСКУРСА
И КОГНИТИВНАЯ СИСТЕМА ГОВОРЯЩЕГО¹
А.А.Кибрик (Институт языкознания РАН, kibrik@iling-ran.ru),
В.И.Подлеская (РГГУ, podlesskaya@ocrus.ru)

1. Вводные замечания

Дискурс – это наиболее общий термин, включающий разные формы использования языка: устную речь и письмо, диалог и монолог, любые жанры – рассказ, телефонный разговор, спортивный репортаж и т.п. Использование языка – один из важнейших видов когнитивной деятельности человека, поэтому общие представления о когнитивной системе непременно должны включать то, что известно о языковых процессах.

Современная лингвистика основана главным образом на данных письменного языка. Конечно, такое положение дел не декларируется как осознанная установка, но de facto доминирующие направления лингвистики используют данные, которые могут быть отнесены только к письменному языку. При этом молчаливо предполагается, что такие данные и выводимые на их основе обобщения репрезентативны по отношению к языку вообще. Тем не менее, представляется очевидным, что устная форма использования языка является исходной и наиболее фундаментальной. Ряд исследований последних десятилетий (Земская, Капанадзе (ред.) 1978, Земская и др. 1981, Земская (ред.) 1983; Sacks, Schegloff, and Jefferson 1974; Chafe (ed.) 1980, Chafe 1994; Ochs et al. (eds.) 1996 и мн. др.) наглядно продемонстрировали важность устного языка как предмета исследования, а также реалистичность такого исследования. Общие представления о природе языка не могут быть составлены без учета материалов естественного устного дискурса. Более того, логичное построение лингвистической теории требует начинать с исследования исходной системы – системы устного языка, а письменный рассматривать как адаптацию этой исходной, фундаментальной системы к другому, вторичному каналу передачи информации. При таком подходе оказывается, что многие традиционные представления о языке значительно искажены и требуют пересмотра в свете знаний об устном использовании языка.

Настоящее исследование основано на небольшом, но достаточно представительном корпусе устного русского дискурса. Это корпус из 130 рассказов о сновидениях, рассказанных детьми и подростками от 7 до 17 лет – см. Kibrik, Podlesskaya, Kal'kova and Litvinenko 2002. Таким образом, мы исследуем монологический дискурс в жанре рассказа. Тот факт, что рассказчиками являются не взрослые люди, не влияет на характер наших выводов. К 7-9 годам дети приобретают достаточно полную компетентность с точки зрения дискурсивных процессов (Berman 1988, Berman and Slobin 1994). Дискурсивные явления, которые будут рассмотрены ниже, в полной мере характеризуют и речь взрослых носителей русского языка. Не столь существенна в данном контексте и специфика содержания рассказов – пересказ сновидений.

Любой анализ устного дискурса предполагает этап, который именуется **транскрибированием**. Устный дискурс слишком мимолетен для того, чтобы сколь угодно существенный его фрагмент мог быть удержан в памяти исследователя. Поэтому, как это ни парадоксально, научное изучение устного дискурса требует его преобразования в графическую форму. Разумеется, такое преобразование не имеет ничего общего с превращением устного дискурса в письменный. Имеется в виду именно систематическое транскрибирование, позволяющее отразить все релевантные характеристики устного сигнала – фонетические (в том числе просодические), грамматические, лексические. О системах транскрипции см. DuBois et al. 1992, Edwards 2001, Кибрик и Подлеская 2003. Два главных

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 06-06-80470а. Помимо настоящих авторов, в подготовке доклада на 1-й российской конференции по когнитивной науке участвовали также Ю.В.Дараган, З.В.Ефимова, Н.А.Коротаев, А.О.Литвиненко, В.Л.Цуканова.

требования, предъявляемых к хорошей транскрипции, состоят в том, чтобы системные различия, имеющиеся в звуковом сигнале, были отражены в транскрипте, и наоборот – чтобы системно идентичные случаи были отражены идентично. Примеры, приводимые ниже, написаны в системе транскрипции, которую мы разрабатываем с группой аспирантов и студентов для русского языка – см. Кибрик и Подлеская 2003².

2. Элементарные дискурсивные единицы

Как любое целенаправленное поведение, дискурс имеет структуру. В письменном дискурсе глобальная структура эксплицитно выражена в виде абзацев и более крупных компонентов. Локальная же структура письменного дискурса – это более важно для темы данного исследования – отчасти передается пунктуацией. При любой попытке транскрибирования устного дискурса немедленно становится очевидно, что он так же хорошо, как и письменный, структурирован на локальном уровне. Дискурс порождается не плавным потоком, а определенными квантами, шагами, порциями, пульсациями, толчками. Сегментация – одна из центральных проблем организации устного дискурса. Это одновременно и теоретическая, и практическая проблема. С теоретической точки зрения, важно понять, какими именно шагами говорящий продвигает дискурс вперед, почему их объем именно таков, каковы признаки границ между этими шагами. С практической точки зрения, необходимы критерии, позволяющие с достаточной объективностью передать структуру устного дискурса, графически отразив его сегментацию в транскрипции.

Мы называем кванты дискурса **элементарными дискурсивными единицами (ЭДЕ)** (Литвиненко 2000, Carlson et al. 2001). В литературе об устном дискурсе чаще используются другие термины – фраза, интонационная группа, интонационная единица (см. Chafe 1994: 57). В российской лингвистике чаще всего употребляется термин «синтагма», в этом значении идущий от Л.В.Щербы, ср.: «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их, я называю синтагмой» (Щерба 1955:87-88). Мы предпочитаем термин «элементарная дискурсивная единица», поскольку он наиболее точно отражает функциональную природу данных единиц, а также позволяет единым образом говорить об устном и письменном дискурсе.

Типичные ЭДЕ демонстрируют примечательную координацию между различными аспектами процесса порождения дискурса. С физиологической точки зрения, ЭДЕ произносится на одном выдохе. С когнитивной точки зрения – вербализуют один «фокус сознания», в терминах У. Чейфа (Chafe 1994), т.е. совокупность информации, которую селективное человеческое сознание может одновременно удерживать в активном состоянии. Далее, уже в собственно лингвистических терминах, семантический объем канонической ЭДЕ – это описание одного события или состояния. С синтаксической точки зрения, такая каноническая ЭДЕ представляет собой одну предикацию (клаузу). Наконец, просодически ЭДЕ организованы как один произносительный контур с точки зрения движения тона (частота), наличия основного акцентного центра (интенсивность), темпа (ускорение – замедление) и громкости (затухание к концу) (см. Светозарова и др. 1988: 146 и сл., Кривнова 1989, Levelt 1989: 308, Chafe 1994: 58-59).

Просодические характеристики единства ЭДЕ заслуживают более подробного обсуждения. Рассмотрим просодическую организацию типичной ЭДЕ на примере двух последовательных ЭДЕ:

² Некоторые элементы этой транскрипции могут быть не очевидны без дополнительных пояснений, однако это не должно влиять на ясность данной работы в целом. Заинтересованный читатель может уточнить смысл используемых обозначений, обратившись к названной работе.

- (1) ..(0.2) /Вышла с этой \ка-ареты,
..(0.2) захожу в \ёлку,

На Рис. 1 показана тонограмма этого отрывка и релевантные просодические явления:

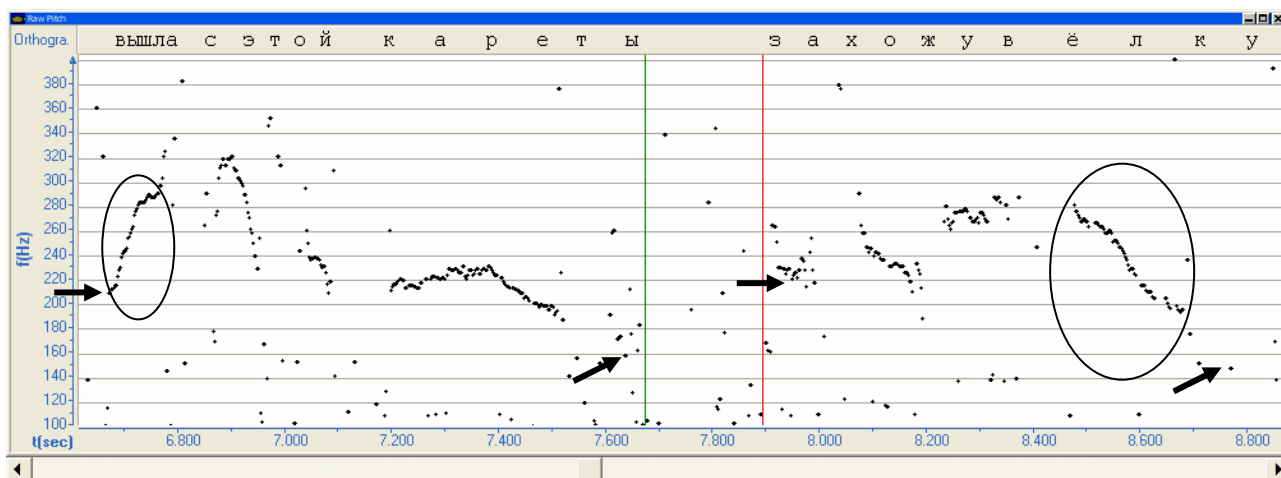

Рис. 1. Тонограмма двух ЭДЕ из примера (1)

На рисунке горизонтальными стрелками указаны частоты основного тона, с которых данная рассказчица начинает свои ЭДЕ. Для этой рассказчицы типичная частота начала ЭДЕ – 210-220 Гц. После начала, как правило, следует подъем тона примерно до 300 Гц, а к концу – падение в уровень около 150-160 Гц (примерная область падения частот показана косыми стрелками). Таким образом, наиболее типичная ЭДЕ обладает единым тональным контуром примерно следующего вида:

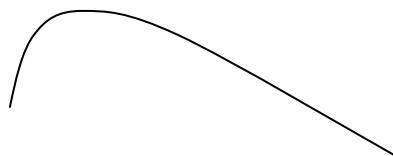

Рис. 2. Схематическое изображение типичного движения тона в рамках ЭДЕ

Каждая ЭДЕ обладает одним главным акцентом, определяемым перцептивно на основе силы экспираторного импульса. В рамках слога, на которых падает главный акцент, движение тона особенно заметно и имеет очень важную семантическую нагрузку: в терминах С.В. Кодзасова, оно кодирует фазовые значения – ожидаемость продолжения в рамках коммуникации и в рамках данной иллокуции (см. Кодзасов 2002). Тоновые акценты выделены на Рис. 1 овалами. В первой ЭДЕ это подъем тона, во второй – падение. Как можно видеть на рисунке, в рамках ЭДЕ есть и более локальные движения тона, но они не столь существенны в рамках данного обсуждения.

ЭДЕ характеризуются изменением по громкости – это автоматическое следствие того физиологического факта, что ЭДЕ произносится на выдохе, и давление в легких к концу ЭДЕ ослабевает. Кроме того, в рамках ЭДЕ наблюдаются существенные различия по скорости. Это явление называется анакрузой (см., напр., Levelt 1989:308): первые слоги ЭДЕ произносятся значительно быстрее, чем последние. Замедление конца ЭДЕ на 70-80% по сравнению с началом можно видеть в нашем примере:

	<i>Первое фонетическое слово</i>	<i>Средняя длительность слога</i>	<i>Последнее фонетическое слово</i>	<i>Средняя длительность слога</i>
ЭДЕ №1	вышла	0,1	кареты	0,17
ЭДЕ №2	захожу	0,14	в ёлку	0,25

Таблица 1. Разница в длительности начальных и конечных слогов ЭДЕ в отрывке (1), в секундах

По-видимому, за явлением анакрузы стоят глубокие нейрофизиологические и когнитивные причины, определяющие не только человеческую речь, но и вообще целесообразное поведение. Явление ускорения в начале элементарного поведенческого акта и замедление в его конце, переходящее в паузу, отмечено, в частности, в области движения животных (см. Mukhina et al. 2003).

ЭДЕ, как правило, разделяются между собой паузами (о паузации см., напр. Потапова, Блохина 1986: 60 и сл.). На Рис. 1 пауза обозначена двумя вертикальными курсорами. Пауза является наиболее легко отождествимым признаком границы между ЭДЕ, но сама по себе не является достаточно надежным критерием. Лишь весь набор просодических характеристик ЭДЕ может позволить понять просодическое единство этих квантов дискурса и, соответственно, критерии проведения границ между ними. Более того, лишь учет всех упомянутых выше разноуровневых характеристик ЭДЕ (физиологических, когнитивных, семантико-синтаксических и просодических) может позволить полностью исследовать сегментацию дискурса на ЭДЕ.

В настоящем исследовании мы сосредотачиваемся на координации (и частичной раскоординации) двух аспектов – просодического и семантико-синтаксического. ЭДЕ, выделенные в первую очередь на основе просодических критериев, обнаруживают высокую степень совпадения с клаузами, т.е. синтаксическими структурами, описывающими одно событие/состояние.

В следующем примере представлена цепочка следующих друг за другом девяти прототипических в семантико-синтаксическом отношении ЭДЕ – каждая из них является «нормальной» клаузой. (Сегментация на ЭДЕ графически отображается в транскрипции в виде деления на строки.)

- (2) был \сон значит,
 ..(0.2) ээ(0.4) ..(0.4) {ЧМОКАНЬЕ} ..(0.2) короче-е на /ба_л меня пригласили,
 ...(0.5) а у меня нет \пла-а_тя.
 ...(0.8) Значит ... (0.6) \думаю:
 «/Ба-ал ну всё-таки,
 \ка_к я \пойду?»
 ..(0.4) \Ну-у /одела там /ю_бку короткую,
 /пришла,
 а они там все в таких вот /ю_бках там,

Согласно нашей оценке, такие прототипические ЭДЕ составляют от 2/3 до 3/4 всех ЭДЕ в естественном дискурсе. Очевидно, клаузы представляют собой стандартные блоки, из которых говорящий стремится строить свой дискурс. Как будет показано ниже, лишь при особых когнитивных обстоятельствах говорящий отходит от этого стандарта. Структурную центральность клаузы в дискурсе отмечают исследователи разных жанров дискурса. Так, в Thompson and Couper-Kuhlen (2005) демонстрируется стремление участников бытового диалога достраивать смежные реплики друг друга таким образом, чтобы они сохраняли синтаксическую целостность клаузы.

Конечно, как это всегда бывает в языке, прототипическая, каноническая единица не может реализовываться во всех случаях. Остающаяся часть приходится на ЭДЕ, которые

оказываются больше или меньше прототипического размера. Ниже мы рассмотрим случаи расхождений между семантико-синтаксическим и просодическим критериями выделения ЭДЕ. Фактически, просодический критерий преодолевает семантико-синтаксический – в ряде случаев в одной ЭДЕ, выделяемой на просодических основаниях, оказывается более одной клаузы или, напротив, часть клаузы, как в следующем примере.

- (3) ..(0.3) Зашли в \-дом_
....(1.4) И /там были \ступеньки.
....(1.7) И \вода.

В этом примере две последних строки образуют одну клаузу с сочиненными ИГ (именными частями именного сказуемого). В то же время, просодическая огласовка не оставляет никакой возможности считать, что это одна ЭДЕ. Первая из этих двух строк произносится однозначно с падающим тоновым акцентом, указывающим не только на конец ЭДЕ, но на конец более объемной дискурсивной единицы – иллокуции или предложения. На момент завершения данной ЭДЕ говорящий однозначно сигнализирует, что клауза завершена. Заметим, что там также имеется очень длинная пауза – это обстоятельство также стоит принять во внимание. Затем к этой уже сформированной предикативной структуре добавляется еще один компонент – говорящий как бы предлагает пересмотреть ранее принятое решение о конце клаузы и пост фактум добавит туда этот компонент. Это особая ЭДЕ, которая не является клаузой, а представляет из себя лишь именную группу с сочинительным союзом.

Неканонические ЭДЕ, которые по объему меньше или больше прототипа, мы называем соответственно малыми и большими. Ниже мы относительно подробно рассмотрим классы малых ЭДЕ, эмпирически выделяемые в нашем корпусе. Малые ЭДЕ распадаются на три группы – сопутствующие, разрывные и регуляторные. Сопутствующая малая ЭДЕ либо предшествует, либо следует за цельнооформленной клаузой, с которой она тесно функционально связана. Эти два класса сопутствующих ЭДЕ, именуемых нами проспективными и ретроспективными, рассматриваются в разделах 3 и 4 соответственно. Разрывные ЭДЕ возникают в результате вставления посторонней ЭДЕ внутрь клаузы (раздел 5). Регуляторные ЭДЕ вообще не несут пропозициональную информацию, а лишь регулируют процесс дискурсивного взаимодействия (раздел 6). После рассмотрения типов малых ЭДЕ мы более коротко остановимся на больших ЭДЕ (раздел 7). В разделе 8 сообщаются количественные сведения о представленности типов неканонических ЭДЕ в корпусе, а в разделе 9 дается транскрипция одного рассказа, содержащего ряд примеров неканонических ЭДЕ. В разделе 10 суммируются основные выводы настоящего исследования.

При описании каждого класса неканонических ЭДЕ мы вначале указываем морфосинтаксические характеристики данного класса, а вслед за этим предлагаем когнитивную интерпретацию – объяснение того, почему и когда единицы этого класса встречаются в реальном дискурсе. Совокупность этих объяснений должна составить пространство когнитивных факторов, ведущих к отклонениям ЭДЕ от семантико-синтаксического прототипа.

3. Проспективные малые ЭДЕ

Сопутствующие малые ЭДЕ возникают в тех случаях, когда говорящему по тем или иным причинам не удается соблюсти тождество ЭДЕ с клаузами: клауза оформляется не за один шаг, а за два (или более). Возможны две диаметрально противоположные ситуации. В первом случае говорящий вначале делает подготовительный шаг, а затем основной,

содержащий клаузу как таковую. Во втором случае говорящий производит клаузу сначала, а затем добавляет некоторый финальный штрих. Малые ЭДЕ, возникающие в двух этих случаях, мы называем соответственно проспективными и ретроспективными.

3.1. Сильный фальстарт

Явление фальстарта состоит в том, что говорящий начинает вербализацию клаузы, но, не закончив ее, бросает и начинает вновь. Просодические признаки того, что первая попытка действительно брошена, находятся в начале той ЭДЕ, которая следует после брошенной: говорящий начинает вербализацию этой ЭДЕ с характерного базового уровня тона, с высоким темпом, типичным для начала ЭДЕ, и с высокой громкостью. Понятие фальстарта описывает примерно тот же круг явлений, что и понятие самоисправления, или коррекции (correction, self-repair; см., напр., Levelt 1989: 460ff.; Подлеская и Кибрик 2006). В русской психолингвистической традиции для данного явления иногда используются термины «переначатие» или «пробный шаг» (см. например, обсуждение в Гармаш 1999).

- (4) ..(0.3) /вдруг я-а увидел /милиционера,
и \спросил его:
..(0.4) –как добраться до \дома,
..(0.3) и /он ме= ==
..(0.4) и /он /позвонил ..(0.3) /домой,
и ... (0.9) я ==
...(0.7) и за мной /приехали,
и отвезли \домой.

В этом примере есть два фальстарта (в транскрипции обозначены знаком ==), при которых говорящий первоначально выбирает некоторую диатезу (соответствие между участниками ситуации и падежным оформлением именных групп), но тут же обнаруживает, что эта диатеза («он меня» в четвертой строке, «я» в шестой строке) его не устраивает и должна быть заменена. Конечно, отказ от выбранной диатезы – лишь одна из многих возможных причин фальстарта. Говорящий может обнаружить любую другую ошибку в произведенной части клаузы и бросить эту клаузу на полпути. Подробно различные типы фальстартов в данном корпусе рассматриваются в работе Подлеская и Кибрик 2006.

В частности, помимо «материальных» ошибок в уже произнесенных словах или частях слов, говорящий может обнаружить ошибку планирования, т.е. тот факт, что он начал произносить данную клаузу слишком рано, и до нее следует произнести одну или более других клауз, например:

- (5) /Мы с мамой поех= ==
...(0.9) \Это,
/мы с мамой поехали вь ==
...(0.5) Мне приснился /сон,
будто мы с \мамой поехали в \Аме-ерику.

В этом примере рассказчик дважды начинает строить клаузу о поездке в Америку, но очевидно испытывает дискомфорт от того, что он не указал «мир», в котором это происходит – мир сна, а не мир реальности. С третьей попытки ему удастся исправить это недоразумение.

В данном разделе мы рассмотрели случаи фальстарта, при которых говорящих «отвергает» всю уже произнесенную часть клаузы, от самого начала, и в связи с этим исправленная клауза начинается с просодической «точки отсчета». Такие случаи мы называем **сильным фальстартом**. Бывают также случаи слабого фальстарта, когда говорящего не устраивает не вся произнесенная часть клаузы, а лишь ее последний фрагмент. В таких случаях коррекция происходит в рамках той же ЭДЕ, и тем самым, малая ЭДЕ не образуется. При слабом фальстарте говорящему удается «спасти», интегрировать начатую ЭДЕ и избежать появления второй ЭДЕ. Некоторые примеры слабого фальстарта обсуждаются в разделе 7.

Итак, сильный фальстарт возникает в следующем когнитивном контексте. Говорящий начал вербализацию клаузы, но в ходе автомониторинга заметил, что осуществленная вербализация не соответствует его внутренней речевой программе. Характер этого несоответствия бывает двояким: (а) произошла ошибка планирования и клауза была начата не в нужной временной точке дискурса (б) неудачен сам произнесенный вербальный материал, и его необходимо пересмотреть. Говорящий решает, что произнесенная часть клаузы «безнадежна», бросает ее и начинает с нуля. Брошенная часть оказывается проспективной малой ЭДЕ по отношению к канонической ЭДЕ, которую говорящий строит заново.

3.2. Вынесенный топик

Со структурной точки зрения, **вынесенный топик** – это именная (в том числе предложная) группа, предшествующая клаузе и не входящая в эту клаузу. Надежный признак квалификации ИГ как вынесенного топика, а не актанта или сирконстанта клаузы, – наличие в составе клаузы анафорического местоимения 3-го лица, кореферентного вынесенному топикю. Например:

- (6)(1.7) а с= || ... (0.5) /двойняшки,
....(2.0) /они' ..(0.2) /огораживали,
....(1.8) там где \посажено,

Судя по имеющимся у нас данным корпуса, позиция вынесенного топика ограничена с точки зрения категории данности/новизны референтов. Хотя объем примеров в корпусе недостаточно велик для окончательных выводов, можно предположить, что в позиции вынесенного топика оказываются либо новые референты, либо доступные. Доступность – это статус, который У. Чейф (Chafe 1994: 72ff.) постулировал как промежуточный между данностью и новизной. Доступные референты становятся таковыми либо в результате постепенной деактивации из статуса «данное», либо в результате какой-то ассоциативной связи с референтами, имеющими в текущий момент статус «данное». Данное как таковое, судя по нашим материалам, в позицию вынесенного топика не попадает. По всей вероятности, когнитивный «сценарий», ведущий к образованию конструкций с вынесенным топиком, может быть следующим. Говорящий проектирует некоторую клаузу, но обнаруживает, что в ней слишком много не-данной информации. Тогда он производит эшелонирование информации и выделяет новый или доступный референт в особую ЭДЕ, а лишь затем на этой основе формирует клаузу. Это напоминает принцип «ограничения одной новой идеи», предложенный У. Чейфом (Chafe 1994: Ch. 9) для устного английского дискурса. Это ограничение состоит в том, что одна ЭДЕ прототипически сообщает один элемент новой информации. Если говорящему необходимо одновременно активировать и новый референт, и событие, в котором этот референт участвует, он делит предикативный комплекс на две ЭДЕ, тем самым придерживаясь ограничения одной новой идеи.

4. Ретроспективные малые ЭДЕ

Выше уже был показан пример малой ЭДЕ, следующей за основной клаузой (3). Существует большой, внутренне неоднородный класс подобных постпозитивных малых ЭДЕ. В типологически-ориентированной литературе для этого явления использовался целый ряд терминов, включая антитопик (см. напр. Lambrecht 1981), *afterthought* (запоздалое добавление, см. напр. Chafe 1988: 6), *right-dislocation* (вынесение вправо, см. напр. Givón 2001: 267-268). В русистике иногда используется термин «поясняющие обособленные обороты», см. Шведова (ред.) 1980, т. II: 186 и сл.; Гармаш (1999) характеризует данный класс явлений описательно: «Присоединяемые конечные ИЕ с интонацией завершенности по отношению к ранее сказанному могут являться или линейным продолжением, или параллельным построением». Ниже мы предлагаем внутреннюю классификацию этой категории случаев.

4.1. Эхо

В корпусе встречаются многочисленные случаи постпозитивных уточнений к той или иной составляющей клаузы. Ретроспективно уточнена может быть любая составляющая, но чаще всего уточняются имена и именные группы – актанты, сирконстанты, определения. Чаще всего семантику уточнения можно описать как уточнение референции, например:

- (7) Бегала бездомная /собака,
..(0.2) /большой такой /чёрный \дог,

В этом примере рассказчица добавляет к гиперониму, использованному в составе клаузы, гипоним (с определениями), выделенный в особую ЭДЕ. Мы называем данное явление **эхом**, поскольку запоздалая составляющая дублирует морфосинтаксические характеристики составляющей, входящей в клаузу. В примере (7) факт такого дублирования не столь очевиден, т.к. в обоих случаях использован наиболее нейтральный именительный падеж. Более того, в случае именительного падежа иногда возможна альтернативная грамматическая трактовка обособленной ИГ не как эха, а как особой назывной предикации, в которой эллиптировано все, кроме именной части именного сказуемого. Однако есть случаи, когда в основной клаузе использован другой падеж, и он повторяется в эхе. Эти случаи показывают, что эхо представляет собой особый морфосинтаксический феномен. Ср. следующий пример с родительным падежом:

- (8) Лоткрываю,
и передо мной так /висят☺ ... (0.7) ☺семь☺ ☺\–трупов☺.
....(1.1) Семь /трупов \повешенных,
..(0.3) причём \китайцев.

Заметим, что в этом примере имеется двойное эхо: в третьей строке уточняется номинативная ИГ из второй строки, в четвертой – генитивное определение из третьей строки.

В некоторых случаях в основной клаузе оказывается местоимение 3-го лица, и после того, как оно уже было употреблено, говорящий обнаруживает, что соответствующий референт был недостаточно активирован для успешного разрешения анафоры адресатом. Тогда, чтобы дать адресату возможность идентифицировать референт, говорящий использует полную ИГ в позиции эха, например:

- (9) И я поб~~а~~= || ..(0.1) /подо-ош~~ёл~~ к нему,
..(0.3) ну к этому /дере~~ву~~,
у которого /свер~~ка~~ло чего-то,

Основной когнитивный мотив для использования эха – неудовлетворенность говорящего избранной им вербализацией какой-либо составляющей только что произнесенной клаузы. Говорящий осуществляет мониторинг того, что он произносит, в режиме реального времени, и вносит уточнения, относящиеся к компонентам завершенной клаузы. Сомнений в том, что эхо не входит в состав клаузы, обычно не возникает, поскольку та семантическая позиция, на которую могло бы претендовать эхо, в составе клаузы уже занята. С этим семантико-синтаксическим фактом согласуется и просодия – и клауза, и эхо выглядят как цельнооформленные ЭДЕ.

4.2. Приращение

Похожий, но обычно хорошо отличимый класс случаев связан уже не с уточнением произнесенного, а с добавлением дополнительного компонента клаузы. В этих случаях клауза уже была оформлена как ЭДЕ, но после ее завершения говорящий обнаруживает, что в ней не хватает какого-то компонента – как правило, сирконстанта или определения. Говорящий добавляет такой компонент как новую ЭДЕ, но при этом как бы «делает вид», что клауза еще не была завершена и завершается только теперь. Это явление мы называем **приращением**. Например:

- (10) И /вдруг я увидела какую-то ..(0.4) \к-кор~~об~~ку.
..(0.3) С /бантиком \свер~~ху~~.

В этом примере между основной клаузой и приращением есть не только граница ЭДЕ, но и граница иллокуции/предложения. Это показывает, что разделение клаузы на две части в данном случае было незапланированным, а происходит спонтанно, ad hoc; ср. 4.3 о явлении парцелляции.

С когнитивной точки зрения, приращение возможно при сочетании двух обстоятельств. Во-первых, речевая программа говорящего предполагает добавление некоторой информации, тесно связанной с уже произнесенной. Во-вторых, характер этой дополнительной информации таков, что она может быть встроена в семантико-синтаксическую структуру уже произнесенной клаузы. Говорящий пользуется этой совместимостью и осуществляет пристройку к уже готовой структуре.

4.3. Парцелляция.

Внешне очень похоже на приращение, но когнитивно отличимо от него, явление **парцелляции** – запланированного разделения клаузы на основную часть и постпозитивное добавление. Это явление встречается тогда, когда говорящий запланировал слишком сложную клаузу с точки зрения количества новой информации. В соответствии с принципом «одной новой идеи» говорящий облегчает когнитивные задачи свои и адресата, разделяя разные элементы нового по разным ЭДЕ. По-видимому, именно это имеет место в следующих двух примерах, в которых парцеллируются сирконстант и определение соответственно:

- (11) и я \проснул~~ся~~,
на сам~~ом~~ там ..(0.2) ин~~тересном~~ \м~~есте~~.

- (12) ... (1.0) и-иh ... (0.7) через /него .. (0.3) как-то \бревно какое-то,
типа \моста.

Различить приращение и парцелляцию часто бывает трудно, т.к. мы не имеем прямого доступа к когнитивным процессам говорящего, а по семантико-синтаксическим критериям различие провести невозможно. Однако представляется очевидным, что это два разных когнитивных механизма. В случае приращения имеет место спонтанное, апостериорное *добавление* компонента, который семантико-синтаксически совместим с уже завершённой клаузой. В случае парцелляции происходит плановое *разделение* одной клаузы на две (или более) частей, в связи с когнитивной перегруженностью запланированной предикативной структуры.

Есть некоторые просодические критерии, позволяющие с некоторой долей надёжности различить приращение и парцелляцию. Во-первых, это наличие/отсутствие значительной паузы между основной частью клаузы и постпозитивным добавлением: чем меньше пауза, тем больше вероятность, что мы наблюдаем запланированную парцелляцию, а чем она больше, тем скорее это случай апостериорного приращения; ср. примеры парцелляции без паузы (11), (12) и пример приращения с паузой (10). Кроме того, в случае парцелляции основная клауза не может быть просодически оформлена как конечная в рамках иллокуции/предложения. Такое оформление однозначно свидетельствует о том, что мы наблюдаем случай приращения – ср. опять же пример (10).

В отличие от случаев эха, при транскрибировании устного дискурса часто бывает нелегко принять решение о том, представляет ли данная ИГ парцелляцию/приращение или является просто обычной частью клаузы. В качестве операционного критерия, который мы выработали в ходе работы с корпусом, может служить наличие/отсутствие просодической автономности двух потенциальных ЭДЕ. Аналитик должен произвести мысленный эксперимент, опираясь на свое интуитивное знание данного языка: если просодическая огласовка хотя бы одной из частей не допускает ее слияния в одну просодическую конструкцию с чем-то еще, то мы имеем случай приращения/парцелляции; так обстоит дело во всех приведенных выше примерах приращения/парцелляции. Если же обе части (главная клауза и добавление) могли бы без всякого изменения просодического оформления быть порождены как одна просодическая конструкция, то мы наблюдаем единую ЭДЕ, ср.:

- (13) Яw .. (0.3) когда-а .. (0.1) /спала,
... (0.5) я /видела,
что /я нашла свой \тапочек .. (0.1) \белый.

В этом примере в третьей строке фрагмент что /я нашла свой \тапочек огласовывается таким образом, что он мог бы составить отдельную ЭДЕ. Однако интерпретация этого фрагмента как особой ЭДЕ не императивно – просодическая огласовка добавления \белый такова, что вполне вписывается в одну просодическую конструкцию с предшествующим фрагментом. Поэтому принимается решение о том, что здесь имеет место одна ЭДЕ и, тем самым, говорить о приращении/парцелляции нет оснований.

4.4. Приращение/парцелляция vs. эхо

Как уже отмечалось выше, в литературе обычно не противопоставляются приращение, парцелляция и эхо – используются неразличительные ярлыки типа *afterthought*. Если приращение и парцелляция действительно очень похожи по семантико-синтаксическим критериям, то именно семантика и синтаксис надёжно отделяют два эти явления вместе взятые от случаев эха: в случае приращения/парцелляции малая ЭДЕ может быть встроена в

основную клаузу, в случае эха – нет. Тем не менее, некоторые проблематичные группы случаев все же есть.

Важнейшая группа случаев, которые внешне могут напоминать эхо, но в действительности являются приращением – это случаи сочинения ИГ, ср. пример (10) выше. В этом примере имеет место апостериорное превращение простой ИГ в сочиненную – рассказчица «вспомнила», что еще она видела в описываемой сцене, и оказалось, что этот дополнительный объект (вода) может быть объединен с ранее упомянутым (ступеньки), и вместе они совместимы с бытийным глаголом множественного числа.

В некоторых случаях, однако, сочетание сочинительного союза с ИГ, представляющее собой ретроспективную малую ЭДЕ, скорее должно трактоваться как эхо. Эта ситуация возникает при неуверенности говорящего в выбираемой вербализации и маркируется дизъюнктивным союзом:

- (14) ..(0.3) Потом к нам /ещё прибегает /синий и(1.2) \жёлтый зайчик по-моему.
..(0.3) Или \синий.
...(0.5) Не \помню.

Проинтерпретировать первую строку этого примера нелегко, однако здесь нам важно, что во второй строке рассказчица высказывает сомнение в выбранной ранее вербализации и производит ее уточнение. Таким образом, это случай сочинения, который следует интерпретировать как эхо.

Трудноразличимы приращение и эхо в следующем примере:

- (15) Я /класс вь= || –класс ви= ..(0.1) ну (0.2) видел вот \там_
...(0.7) Там /–друзе-ей_

Здесь можно в равной степени предполагать, что друзья – это референт, дополнительный к одноклассникам, или наоборот, что это часть одноклассников, которые являются друзьями. Две эти интерпретации соответствуют трактовке примера либо как эха, либо как приращения.

Случай синтаксической неоднозначности наблюдается в следующем примере:

- (16) ...(0.8) и мне ..(0.1) /п-приснилось,
...(1.7) что /мы ..(0.1) /поехали ко мне на \дачу,
...(0.6) в \Звенигород.

Здесь неясно, то ли рассказчица добавила определение и тем самым достроила клаузу до конструкции «на дачу в Звенигород» (приращение), то ли произвела референциальное уточнение (эхо). По-видимому, две эти трактовки уже невозможно различить дискретно – это случай нейтрализации различных типов ретроспективных малых ЭДЕ.

С когнитивной точки зрения эхо, как правило, больше похоже на приращение, чем на парцелляцию – в обоих случаях мы имеем апостериорное, заранее не запланированное добавление информации. С этим согласуются и просодические признаки – эхо чаще всего отделяется от основной части клаузы паузой.

5. Разрыв

Иногда случается, что уточнение к содержанию данной клаузы нельзя отложить до ее завершения, оно должно быть произнесено после той составляющей, к которой относится. В

таких случаях возникает **разрыв** клаузы – ее разделение на две малых ЭДЕ. Этот тип малых ЭДЕ, конечно, не вписывается в противопоставление про- и ретроспективных малых ЭДЕ, это явление другого рода.

- (17) Утром —
когда \мама мне обычно даёт ...(0.6) /попить,
— ..(0.2) /она мне дала /б-бутылку,

В данном примере имеет место уточнение к первому слову клаузы, временному наречию. Уточнение представляет из себя целую клаузу. Чаще встречаются случаи, когда уточнение – это малая ЭДЕ, например эхо:

- (18) Один раз ..(0.2) \мы-ы —
..(0.3) "(0.1) <мм(0.1)> ...(0.6) три /брата,
–Серёжка –Лёшка и /я,
— ..(0.5) с дядей /Сашей поехали на \рыбалку.

В этом примере есть два последовательных эха: после подлежащего местоимения мы рассказчик решает разорвать клаузу и уточнить референцию этого местоимения посредством ИГ три брата. Но затем он решает, что это эхо-уточнение также недостаточно, и само требует уточнения, каковое и добавляется в следующей малой ЭДЕ. Только затем рассказчик возобновляет прерванную клаузу и произносит предикат с необходимыми партиципантами.

В некоторых случаях разрывающая ЭДЕ оказывается уточнением не к составляющей разрывающейся клаузы, а запоздалым уточнением к более раннему фрагменту дискурса, ср.:

- (19) ...(0.9) Она была / 'оч-чень \маленькая,
так что—
...(0.6) ээ(0.3) (Как \шарик.)
— ..(0.1) было /видно,
ээ(0.2) с \-другой стороны что_

В целом, когнитивное основание для появления разрыва клаузы на две малых ЭДЕ – это обнаружение говорящим срочной, безотлагательной потребности, не дожидаясь конца этой клаузы, произнести уточнение к ранее уже произнесенному.

6. Регуляторные ЭДЕ

Самый своеобразный тип малых ЭДЕ – это **регуляторные ЭДЕ** (термин из книги Chafe 1994: 63ff.). Регуляторные ЭДЕ не являются клаузами и обычно очень коротки, и в этом смысле их можно считать малыми ЭДЕ. Но функционально они отличаются от других типов малых ЭДЕ, т.к. они вообще не несут пропозициональной информации. Их функции находятся в другой сфере – сфере организации и регулирования дискурсивного потока. Это ЭДЕ, состоящие из дискурсивных маркеров – специальных слов, регулирующих дискурсивный процесс между говорящим и адресатом.

Регуляторные ЭДЕ заслуживают того, чтобы стать предметом специального рассмотрения. Здесь же отметим, что в нашем корпусе абсолютным чемпионом (около 95% всех случаев) среди всех лексических наполнений регуляторных ЭДЕ является слово вот, точнее его акцентированный произносительный вариант. Функция этого дискурсивного

маркера – указание на то, что некоторый дискурсивный фрагмент (ЭДЕ или группа ЭДЕ) завершен, и говорящий переходит к следующему (Дараган 2003). Регуляторные ЭДЕ, основанные на дискурсивном маркере *вот*, бывают более и менее просодически автономизированы. При большой степени автономизации они на просодических основаниях интерпретируются как отдельное предложение – ср. последнюю строку следующего примера:

- (20) н= || ну /веранда,
она-а вот \шторами загорожена!
<Вот> как \гардины.
...(0.8) \Во-от.

В других случаях *вот* огласуется как вставка между клаузами, входящими в одно предложение:

- (21)(1.4) Но' ..(0.3) они всё же /доехали,
/я ' ..(0.2) тоже оказалась на первом /этаже,
....(1.3) ээ(0.1) \вот,
..(0.3) и-и(1.0) \встретили мы этих двух /девочек,

7. Большие ЭДЕ

Как уже не раз подчеркивалось выше, говорящий стремится к тому, чтобы организовать ЭДЕ в виде клаузы. Среди клауз, конечно, преобладают клаузы с глагольным сказуемым, и в таких клаузах сказуемое чаще всего состоит из одного финитного глагола. Однако есть некоторое количество случаев, когда сказуемое представляет собой **сочетание финитного глагола** (или категории состояния) **и инфинитива**. Скорее всего, синтаксическая интерпретация таких случаев не должна предполагать биклаузальности, однако нельзя не признать, что если это одна клауза, то клауза осложненная, и уже на достаточно неглубоком уровне семантического анализа включает две пропозиции. Поэтому в этих случаях есть основания говорить о больших ЭДЕ.

- (22) «/Дай мне поиграть \м-машинкуj»

- (23) ээ(0.2) «Мы \гулять идём,
в -\ле-ес.»

Помимо сочетания финитного глагола с инфинитивом, в корпусе есть еще несколько менее частотных групп больших ЭДЕ, возникающих в связи с синтаксическим подчинением одного глагола другому. Важнейшие из этих групп – клаузы, подчиненные **матричным глаголам мысли и речи**. Дело в том, что такие матричные глаголы, несмотря на свое синтаксическое главенство, дискурсивно часто оказываются менее важными, чем подчиненные клаузы (Verhagen 2005:95ff.). В результате этого в ряде языков они постепенно превращаются в служебные слова или даже связанные морфологические маркеры. В русском устном дискурсе это процесс не зашел столь далеко, но во многих случаях фонетическая, семантическая и когнитивная редукция налицо: исходные матричные глаголы теряют часть фонем, произносятся без акцента, как клитики, и уже лишь отчасти могут рассматриваться как сказуемые самостоятельных клауз. Ср. примеры с глаголом мысли и глаголом речи:

(24)(1.9) Потом вот ..(0.4) я \помню ...(0.8) /с-ссиде-ел,

(25) «Это» говорят «новая /мо-ода там.»,

Другой существенный класс случаев больших ЭДЕ возникает в связи с явлением, напоминающим **сериализацию** – два финитных глагола обозначают одно событие; один из этих глаголов частично делексикализуется и фактически превращается в маркер способа действия:

(26) ...(0.5) И \я /стою на себя \смотрю.

Еще один тип случаев, когда два финитных глагола обозначают одно событие и тем самым оказываются в составе одной ЭДЕ – это **удвоение** глагола, передающее интенсификацию и смежные смыслы:

(27)(1.0) Я /опускаюсь /опускаюсь,
вроде все \медленней.

В следующем примере представлено пять глаголов в двух ЭДЕ, поскольку в первой строке имеется комбинация финитного глагола с инфинитивом, а во второй есть цитатный маркер и случай сериализации:

(28) ..(0.3) /подойти <по-моему> \меня она /попросила,
говорит «/Пойди \помоги ей!».

Особый класс больших ЭДЕ возникает в связи с явлением **слабого фальстарта**. В этих случаях, в отличие от сильного фальстарта, говорящий отказывается лишь от последнего фрагмента уже озвученной части ЭДЕ, но сохраняет начало ЭДЕ. В результате в одной ЭДЕ может оказаться более одного финитного глагола:

(29) — ...(0.4) я ст-тала сп= || м'м(0.4) /заснула с-сраз-зу,

Наконец, можно считать большими ЭДЕ случаи быстрых, или **препаративных, подстановок**: когда говорящий под давлением собственного темпа речи не может найти адекватную вербализацию, он часто, чтобы «выиграть время», подставляет вместо соответствующей составляющей один из специальных дискурсивных маркеров, как правило, содержащих указательное местоимение этот или такой. На место предиката систематически подставляется местоимение это, которое является временным «местоблюстителем» предиката, годным до тех пор, пока говорящий сумеет найти устраивающий его полноценный предикат. Конечно, местоимение это не является глаголом, но замещает глагол, поэтому такие ЭДЕ также можно признать большими. Например:

(30)(1.6) Но /монах чудом \спасся.

....(2.8) И-и(3.0) онн(1.4) \это ..(0.3) каким-то ... (0.5) образом убежал в \Монголию,

Как слабые фальстарты, так и препаративные подстановки реализуют интеграционную стратегию говорящего: говорящий стремится сохранить уже начатую ЭДЕ и дает адресату сигнал, что процесс ее порождения продолжается.

Общим для всех случаев больших ЭДЕ является то, что по крайней мере один из глаголов в том или ином отношении *когнитивно ослаблен* – превращается в маркер (совершенностный, эпистемический, цитационный), номинализуется, подвергается коррекции и т.д. Поэтому все эти исключения подтверждают главное правило: прототипическая ЭДЕ – это именно клауза.

8. Количественные данные³

В нижеследующей таблице приводятся данные о частотности малых и больших ЭДЕ в нашем корпусе. Общее количество ЭДЕ в корпусе – около 3500.

ЭДЕ, совпадающие с клаузами 70%	Малые ЭДЕ 23%	Большие ЭДЕ 7%
------------------------------------	------------------	-------------------

Таблица 2. Типы ЭДЕ в корпусе и их частотность

Следующие две таблицы показывают, как глобальные классы малых и больших ЭДЕ распадаются на подклассы. Указаны проценты от общего количества ЭДЕ в корпусе.

Перспективные малые ЭДЕ			Ретроспективные малые ЭДЕ				Разрывы	Регуляторные ЭДЕ
Всего	Сильный фальстарт	Топик	Всего	Эхо	Приращение и парцелляция	Неясные случаи		
6,4%	5,7%	0,7%	9%	3,9%	4,2%	0,9%	2,5%	4,9%

Таблица 3. Типы малых ЭДЕ в корпусе и их частотность

Подчинительная конструкция				Два финитных глагола обозначают одно событие		Слабый фальстарт	Препаративная подстановка
Финитный глагол + инфинитив	Глагол мысли + подчиненная клауза	Глагол речи + подчиненная клауза	Другие случаи	Сериализация	Удвоение		
4,5%	0,4%	0,1%	0,1%	0,6%	0,7%	0,5%	0,4%

Таблица 4. Типы больших ЭДЕ в корпусе и их частотность.

Примечание 1. Сумма процентов в этой таблице немного превышает 7%, указанные в Таблице 2, т.к. некоторые ЭДЕ являются большими сразу по двум признакам, ср. пример (28)

Примечание 2. В таблице для слабых фальстартов и препаративных подстановок указано не общее количество случаев, а только те, которые связаны с появлением двух предикатных выражений и тем самым ведут к образованию больших ЭДЕ.

9. Транскрипт целого рассказа

Чтобы дать читателю целостное представление о нашей дискурсивной транскрипции, а также показать ряд нестандартных случаев сегментации дискурса «в действии», приведем пример транскрипта одного из рассказов корпуса полностью. В этом рассказе встретились многие явления – малые и большие ЭДЕ, – которые были обсуждены выше.

³ Авторы благодарят Ю. Дараган, Н. Коротаева, А. Литвиненко, О. Савельеву-Трофимову, М. Старостину и В. Цуканову за помощь, оказанную при получении этих количественных данных.

1.	ээ(0.4) С /другом с моим ..(0.1) \самым \лучшим,	Вынесенный топик
2.	..(0.3) (\Санёк.	
3.	...(0.7) Он у меня там <в \школе>.)	
4.	..(0.4) мы с ним /пошли,	«База» вынесенного топика
5.(1.5) и мы /стали \копать ..(0.3) там ..(0.4) у себя \яму,	Финитный фазовый маркер + инфинитив
6.	чтоб \сделать себе \шалаш,	
7.	...(0.5) ну \столбы чтоб поставить,	
8.	...(0.6) и /нашли чего-то такое железное.	
9.(1.2) /Выкопали,	
10.	...(0.7) а там-м \это ..(0.3) лежат всякие такие ☺\сокро-овища☺ /сокровища_	Препаративная подстановка
11.	...(0.6) И мы= ..(0.2) /набрали этих сокровищ,	
12.	..(0.4) но не \все.	Эхо
13.	...(0.6) Остальное /закопали,	
14.(1.7) и' /пошли \домой.	
15.	..(0.1) /Принесли \домой,	
16.	...(0.8) а потом мы \п-пошли там(1.2) в какой-то й= ...(0.5) ювелир= =ный /магазин с родителями,	Слабый фальстарт (не образующий большую ЭДЕ)
17.(1.1) и-и они /сдали эти ...(0.6) \ну-у ...(0.8) /сдали вот эти ю= ..(0.3) =велир=~	Слабый фальстарт
18.	...(0.6) и \это ..(0.3) мы получили \деньги.	Препаративная подстановка
19.(1.0) И-и \мы-ы с Саньком ..(0.1) тогда /пошли,	
20.	...(0.6) в \магазин,	Приращение
21.	чего-нибудь \покупать,	Приращение/парцелляция
22.	..(0.4) а-а ==	Сильный фальстарт
23.	...(0.5) и Са= ==	Сильный фальстарт
24.	и я \проснулся,	
25.	на самом там ..(0.2) \интересном \месте.	Парцелляция

10. Заключение

При порождении дискурса говорящий стремится организовать базовую когнитивную единицу в виде клаузы. Об этом ясно свидетельствует тот факт, что от 2/3 до 3/4 ЭДЕ, выделяемых на просодических основаниях, совпадают с клаузами. В тех случаях, когда такое совпадение имеет место, мы наблюдаем прототипические, канонические ЭДЕ.

Тем не менее, обеспечить это совпадение говорящий может не всегда. Есть множество причин, которые приводят к раскоординации семантико-синтаксических и просодических единиц. Так, в некоторых случаях образовать предикативную структуру говорящему удается не за один дискурсивный шаг, а за два (или более). В таких случаях есть основания говорить о малых ЭДЕ. Наиболее частотный класс малых ЭДЕ – те, которые сопутствуют основной клаузе. В таких случаях на то, чтобы сформировать полную предикативную структуру,

говорящий затрачивает два шага – основной и дополнительный. Дополнительный шаг может предшествовать основному или следовать за ним. В первом случае мы наблюдаем проспективные малые ЭДЕ – сильные фальстарты и топики. Во втором – ретроспективные малые ЭДЕ – эхо, приращение и парцелляцию.

В некоторых случаях клауза линейно разрывается вставкой на две части, каждая из которых является неотъемлемой составляющей этой клаузы. Наиболее обособленный класс малых ЭДЕ – регуляторные ЭДЕ, которые вообще не связаны с пропозициональной информацией.

Противоположная ситуация имеет место тогда, когда говорящий «упаковывает» более одной пропозиции в одну ЭДЕ. В таких случаях можно говорить об образовании больших ЭДЕ. Чаще всего это происходит в силу того, что две пропозиции связаны сильной подчинительной связью – при этом наблюдается либо конструкция с инфинитивом, либо с глагольным маркером, эпистемическими или цитационным. Заметно реже встречаются случаи сериализации или удвоения, в которых на описание одного события «расходуется» два глагола. Наконец, есть случаи, когда говорящему удается сформировать предикат не с первой попытки – в этих случаях возникает слабый фальстарт или препаративная подстановка. Общий знаменатель всех больших ЭДЕ состоит в том, что по крайней мере одна пропозиция оказывается когнитивно ослабленной и потому объединяется с другой пропозицией в одну ЭДЕ.

Таким образом, когнитивные причины появления неканонических ЭДЕ обычно ясны и подлежат осмысленной классификации. Множество этих причин выявляет целый ряд когнитивных явлений, участвующих в процессе порождения устного дискурса. Во-первых, говорящий осуществляет локальное, пошаговое планирование дискурса: он формирует внутреннее задание на очередную ЭДЕ, которая должна быть построена. Во-вторых, говорящий постоянно осуществляет автомониторинг своего процесса речепорождения: когда он обнаруживает, что вербализованный им материал (ЭДЕ или ее часть) не соответствует локальным целям, он производит дополнение или коррекцию этого материала. В-третьих, говорящий соблюдает когнитивные ограничения, ориентированные на предполагаемый процесс понимания дискурса адресатом, в частности ограничение одной новой идеи: если оказывается, что в рамках одной предикативной структуры запланировано слишком много новой информации, говорящий расчленяет такую структуру на две (или более) ЭДЕ. В-четвертых, при условии когнитивной ослабленности того или иного пропозиционального компонента говорящий может объединить его с другим компонентом в состав одной ЭДЕ.

Настоящее исследование, как и любое корпусное исследование, является чисто «обсервационным» – оно принципиально базируется лишь на тех фактах, которые достаточно часто наблюдаются в естественном дискурсе. Более полная когнитивная модель процесса речепорождения должна опираться также и на экспериментальные данные, которые позволяют выяснить не только то, что бывает, но и то, чего быть не может. Например, на основе имеющихся у нас фактов мы предположили, что вынесение топика – результат эшелонирования слишком большого количества не-данной информации на две ЭДЕ. Доказать эту гипотезу можно лишь при помощи целенаправленной экспериментальной проверки.

Широко распространенные представления о природе языка, в данном случае русского, основаны на материале письменного, в первую очередь литературного, дискурса. Настоящая работа показывает, что устный дискурс в значительной степени не соответствует этим представлениям. Мы рассматриваем эту работу как один из первых шагов в области «естественной грамматики» русского языка, основанной на наиболее фундаментальной его ипостаси – устной.

Литература

- Гармаш Н.Г. 1999. Влияние хезитации на организацию устного детского дискурса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: МГУ.
- Дараган Ю.В. 2003. «Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства» // Доклады международной конференции «Диалог-2003» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 166-178.
- Земская Е.А., Капанадзе Л.А. 1978. (ред.) Русская разговорная речь. Тексты. Москва: Наука.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. 1981. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. Москва: Наука.
- Земская Е.А. (ред.) 1983. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Москва: Наука.
- Кибрик А.А., Подлеская В.И. 2003. К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // Научно-техническая информация (серия 2), 6, 5-11.
- Кодзасов С. В. 2002. «Фазовая символика тона» // Н.Д.Арутюнова (ред.) Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., Индрик.
- Кривнова О. Ф. 1989. Интонационное членение как средство управления процедурой смыслового распознавания // Экспериментальная фонетика. М., 112-124.
- Литвиненко А.О. 2000. Теория Риторической структуры как универсальный инструмент описания дискурса. Дипломная работа. МГУ им. М.В. Ломоносова, ОТиПЛ.
- Подлеская В.И., Кибрик А.А. 2006. «Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования» // Русский язык в научном освещении, в печати.
- Потапова Р.К., Блохина Л.П. 1986. Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках. Учебное пособие. М.: МГПИИЯ.
- Светозарова Н.Д., Вольская Н.Б., Павлова А.В., Шитова Л.Ф. 1988. «Просодическая организация русской спонтанной речи» // Н.Д.Светозарова (ред.) Фонетика спонтанной речи. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 141-182.
- Шведова Н.Ю. (ред.) 1980. Русская грамматика. Т. I, II. М.: Наука.
- Щерба Л.В. 1955. Фонетика французского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках.
- Berman, R. 1988. On the ability to relate events in narrative. *Discourse Processes*, 11, 469-497.
- Berman, R. , Slobin D.I. 1994. *Relating events in a narrative*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Carlson, L., D. Marcu and M. E. Okurowski. 2003. Building a Discourse-Tagged Corpus in the Framework of Rhetorical Structure Theory // J. van Kuppevelt and R. Smith (eds.) *Current directions in discourse and dialogue*. Kluwer Academic Publishers, 85-112.
- Chafe, W. (ed.) 1980. *The pear stories.: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, NJ: Ablex.
- Chafe, W. 1988. Linking intonation units in spoken English // J. Haiman and S.A. Thompson (eds.) *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam: Benjamins, 1-28.
- Chafe, Wallace. 1994. *Discourse, consciousness, and time*. Chicago: University of Chicago Press.
- Du Bois, J.W., Schuetze-Coburn, S., Cumming, S., Paolino, D. 1992. *Discourse transcription*. Santa Barbara papers in linguistics, 4. Santa Barbara: UCSB.
- Edwards, J.A. 2001. The transcription of discourse // Schiffrin D., Tannen D., and Hamiltin H.E. (eds.) *The handbook of discourse analysis*. Oxford: Blackwell, 321-348.
- Givón, T. 2001. *Syntax*. Vol. 2. Amsterdam: Benjamins.
- Kibrik, A.A., Podlesskaya, V.I., Kal'kova T.M., and Litvinenko A.O. 2002. Cognitive structure of narrative discourse: the analysis of children's night dream stories // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара Диалог'2002*. Т. 1: Теоретические проблемы. Под ред. А.С.Нариньяни. М.: Наука, 635-647

- Lambrecht, K. 1981. Topic, antitopic and verb agreement in non-standard French. Amsterdam: Benjamins.
- Levelt, W.J.M. 1989. Speaking. From intention to articulation. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mukhina, T.V., Cherepov A.B., Anokhin K.V. 2003. Analysis of animal path trajectories in terms of individual behavioral acts, Department of Systemogenesis, P. K. Anokhin Institute of Normal Physiology, Russian Academy of Medical Sciences. Unpublished manuscript
- Ochs, E., Schegloff, E.A., and Thompson, S.A.(eds.) 1996. Interaction and grammar. Cambridge: CUP.
- Sacks, H., Schegloff, E.A., and Jefferson, G. 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation // *Language* 50-1:696-735.
- Thompson, S.A., Couper-Kuhlen, E. 2005. The clause as a locus of grammar and interaction. *Discourse Studies*, 7, 481-506.
- Verhagen. A. 2005. Constructions of intersubjectivity. *Discourse, syntax, and cognition*. Oxford: OUP.